
ДЕНИС АЛФЕРОВ
Звезда
ВО ТЬМЕ
18+

Денис Алферов

Звезда во тьме

«Автор»
2026

Алферов Д.

Звезда во тьме / Д. Алферов — «Автор», 2026

В ветхом сарае, среди рухляди и пыли, Тимур находит тетрадь штабс-капитана Петра Сумарокова. Страницы переносят его в революционный Петроград — в мир хаоса, любви, предательства и призраков прошлого.Чем глубже Тимур погружается в рукопись, тем сильнее меняется его собственная жизнь. Появляются странные, точно «знакомые» люди, любимая жена вдруг становится чужой. Словно в полусне, Петроград окутывает Петербург. Тимур перестаёт понимать, где заканчивается тетрадь и начинается явь.

© Алферов Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ 1 6
Глава 1. Творец конца 9
Глава 2. Енисейский порт 14
Глава 3. Унты для каторжанина 21
Глава 4. Разлом 28
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Денис Алферов
Звезда во тьме

«Глядим, глядим всё в ту же сторону,
За мшистый дол, за топкий лес,
Вослед прокаркавшему ворону,
На край темнеющих небес…»

Отрывок стихотворения Дмитрия Мережковского «Возвращение»

ЧАСТЬ 1

явь

— Pedro, Pedro, Pedro… Pedro, Pe… — не попадая, вторила она музыке автомобильных динамиков.

— Катя! — поморщился он.

— Да ладно тебе! Или ты — Педро? — Катя положила руку ему на бедро.

Он сбавил скорость и повернул на почти просёлочную дорогу. За лесополосой, на месте старой деревни, строились коттеджи. Утренние лучи пересчитывали старые и новые стены. Ползла, извиваясь, тень проводов. Внушительный свежий плакат с генералом говорил что-то про победу и правое дело. Машина остановилась около одного из ветхозаветных домов с чешуйчатой краской на воротах. В глубинах неба крест-накрест плыли два самолёта, оставляя потрясающей красоты полосы.

— Кажется, приехали…

Девушка, стараясь принять удобную позу, разгладила волосы, раскрыла зеркальце и, видимо, не впечатлившись, захлопнула. Как и пассажирскую дверь «Фольксвагена», чуть не разбудившую охранника в далёкой будке.

Парень и девушка — на вид обоим было чуть за тридцать — в одинаковых джинсах цвета небесной лазури открыли замок на воротах и зашли в неожиданно ухоженный двор. В углу ёлочкой лежали поленья. Стартовой площадкой космических ракет смотрел в небо прицеп без колёс. Над дверью, на гвозде, выцветшая иконка вбирала свет слепящего солнца. Вошедшие остановились, чувствуя, что вступают во владения, никогда им не принадлежавшие.

Молодой человек вернулся к машине, достал из багажника пару метёлок и ещё какие-то нехитрые приспособления для уборки. Пристроился к замку на двери дома. Тот долго сопротивлялся, в итоге дверь с визгом отворилась, и в лицо им ударил сгустившийся запах забытья. Молодой человек остановился на пороге, будто не решаясь войти.

— Так и будем стоять? — спросила Катя.

— Просто навевает… — ответил он и шагнул внутрь.

В доме тоже было относительно чисто. Оставалось подмести пол, протереть пыль с паутинами, вымыть окна. Тогда тяжесть прошлого отступит.

— Принеси чудо-тряпку… — попросила Катя.

Он снова сходил к машине. Возвращаясь, заметил косое строение за домом. Сарайчик был обтянут рекламным плакатом из ПВХ-ткани. Конструкция походила на индейский типи и выглядела здесь чужеродно. Он отогнул тяжёлую ткань какого-то билборда, рекламирующего телефон. Поймав себя на мысли, что никогда раньше не замечал этот сарайчик, коснулся огромного ржавого замка.

В связке подходящего ключа не оказалось. Дома тоже. Сорвать замок не получилось. Попробовал надавить плечом — ничего. «Может, проще разобрать стену?» — подумал он. Порылся в старом инструменте в сенях. С зубилом, гвоздодёром, монтировкой и молотком приступил к демонтажу самой трухлявой стены.

— Тимур, что ты делаешь? — выглянула из дома Катя.

— Да вот, — он показал на замок, — впервые этот сарай вижу. Хотя на вид ему лет сто!

— Ты надолго с ним? На мне, значит, дом?! — Катя театрально нахмурилась и так же театрально ушла.

Когда через несколько минут первая доска отлетела, Тимура охватила детская радость. Вглядываясь в темноту, он представлял себе неизведанные места, в которые впервые ступала нога человека. Через пару минут оторвались ещё две доски. Словно Говард Картер, Тимур заглянул внутрь, ожидая увидеть саркофаг фараона. Однако, кроме летающей пыли, не увидел ничего. Он так увлёкся, что не заметил подошедшую Катю.

— Что ты хочешь там найти? Клад?

— Новую девушку.

Катя показала ему язык, а на нём — «Ломай дальше!»

Следующие доски оторвались удивительно легко. Внутрь проник солнечный свет. Но в сарае оказались только трёхлитровые банки на полках, алюминиевый портсигар, несколько пожухлых журналов да ещё лабиринт паутины. Он стряхнул пыль с журнала. С обложки, разинув рот, скалился толстый капиталист в звёздно-полосатом цилиндре.

— Вау! Сколько хлама! И ни одной девушки! — Катя похлопала в ладоши. — Стоило ломать эту стену!

Тимур посмотрел на Катю, потом на сарай:

— И чего я, собственно, ждал? Надо приколачивать обратно.

— Зачем? Потратил кучу времени, а теперь будешь собирать обратно?! Разбери его совсем, кому он нужен.

Когда солнце переместилось за грань видимости, окрасив двор розовым сиянием, сарая как не бывало. Доски лежали одна на другой. Внутри бывшего строения сидел Тимур, умиротворённый нехитрым обедом. Держал неповреждённый замок и единственную ценную находку — алюминиевый портсигар деда — с нацарапанными инициалами и восходящей звездой над лагерной вышкой, обвитой колючей проволокой. Тимур достал старую папиросу и вдохнул запах напрочь высохшего самосадного табака, терпкого, как полынь. Как же просто, оказывается, работает машина времени…

Ухабистая дорога. По ней идут коровы. Много-много коров. Чуть впереди весёлые ряды коз и овец. Рядом остановка и тарахтящий автобус, что отходит утром в город. Звуки прорываются через окошко маленькой комнаты. Спать больше не тянет. Рядом молочными шагами топчется Мурка, просит погладить и угостить. Хочется выбежать за ворота, покрытые ярким перламутром свежей краски — и дальше по тропинке, заросшей осокой и крапивой, до колодца царских времён, где вода девственная и холодная. Можно напоить скулящего пса и свинью Машку, отдыхающую в пузырящейся грязи у свинарника, там внутри — одиноко жужжит тусклая лампочка, а под потолком — сталактиты гвоздей. За свинарником — банька. На полках — льняные мочалки и дегтярное мыло. В окошке размером с книжку — уходящие к горизонту картофельные поля и частокол бесконечного леса. Бабушка зовёт… с дуновением ветерка. Утренние лучи подсвечивают в доме пыль. Согревают кухню беляши и «Нескафе». Скрытая нитями кашпо, молчит пружинная кровать с высоким матрацем, на котором любая принцесса не почувствует горошину. Четыре подушки сложены так, как может сложить только бабушка. На стенах — шероховатые обои и чёрно-белые фотографии. Дед на крыльце расстелил «Правду», оторвал кусок, насыпал высушенный табак, облизнул, закрутил папироску. Закусил её, поднёс зажжённую спичку…

Тимур вздохнул. Подувший боковой ветер развеял воспоминания. Они унеслись куда-то, растворились в воздухе, чтобы вернуться вместе со знакомым ароматом.

Пурпурные полосы неба поражали необычайностью. Тимур посмотрел на останки сарая, склонился за молотком и уловил тонкий металлический скрип. Он прошёлся по земляному полу — и точно, пол оказался неоднородным. Тимур поскрёб землю монтировкой. Под тонким слоем грунта показались доски. Очистив землю, он дёрнул пару — под досками покоилась металлическая шкатулка. Тимур поднял её и подул. Комочки земли полетели вниз. Крышку поела ржавчина. Открывать шкатулку сразу не хотелось — жаль было спугнуть тайну.

— Что это? — спросила за спиной Катя.

— Не знаю. Лежало под полом…

— Оттуда ничего не выползет?!

Вдалеке послышался раскат подступающей грозы. Потом ещё.

— Я закрою дом, — сказал Тимур.

Когда дождь большими каплями стал заполнять пространство, они сели на заднее сиденье «Фольксвагена». Тимур осторожно поднял крышку шкатулки. Внутри оказался плотно скрученный прозрачный пакет, а в нём — сшитая толстой нитью старая ученическая тетрадь с заголовком «Звезда во тьме».

Тимур перевернул обложку неясного цвета. На титульном листе — нарисована Земля, проступающая из двухстворчатого светящегося окна, будто осыпанного звёздной пылью. Рисунок окаймляли вдавленные в бумагу иероглифы и какие-то символы, начертанные фосфорной краской.

— Впечатляет… — Катя положила голову ему на плечо и закрыла глаза.

Глава 1. Творец конца

В тот день стоял такой туман, что не разглядеть дальше пятидесяти саженей. Меня потрясывало от холода, я вжимался в шинель. По левую руку выстроилась шеренга бойцов. Первый — фельдфебель Архип Спиридонов с Георгиевским крестом на груди. Рядом — Егорка Кривощёков, долговязый и нескладный, как жердь, лицо полно веснушек, нос огромный, как картошка, шинель болталась, будто на пугале. Он по-детски улыбался, пока мы не столкнулись взглядами. Тогда Егорка выпрямился и щёлкнул сапогами. Я показал ему поправить папаху, наползающую на глаза. Спиридонов сердито покосился и загрубевшими пальцами сильнее сжал винтовку с примкнутым штыком. Дальше кто-то кашлянул, отчего строй содрогнулся, висящие на поясах патронные сумки затряслись. И тут издалека послышалось троекратное «Ура». Я повернул голову, из тумана появилось чёрно-жёлто-белое знамя с двуглавым орлом в навершии. Послышались выкрики, смысл которых съедала стужа. К нашему полковнику подошёл адъютант Его Императорского Величества. Полковник развернулся к строю.

— Равняйсь! Смирно!

Могучий знаменосец, ростом под три аршина, шёл твёрдо, чего не сказать о бахроме, болтавшейся по сторонам. Следом появился священник. Тоже рослый, широкий в плечах, с выпирающим животом. Золотистая епитрахиль колыхалась на ветру. Поправив широкой ладонью митру, священник остановился около знамени и стал перебирать цепь кадила.

Внезапно туман словно развеялся. Из серебристой пелены вышел Государь Николай Александрович. Воцарилась гробовая тишина. Клянусь, я слышал, как скрипят на погосте кресты за версту от нас. Казалось, кроме ветра, на который, впрочем, я перестал обращать внимание, в этом мире ничего не движется, никто не рождается и не умирает. Остановился царь — и время тоже остановилось, давая возможность солдатам запомнить лучезарный лик. Николай Александрович обмолвился о чём-то с генералом и широко улыбнулся. Его пышные усы слегка выходили за бороду. Он предстал перед нами, словно ангел, спустившийся к смертным. Ангел справедливости и благочестия. Я боялся пошевелиться, сглотнув подступивший ком.

— Сыны России, — молвил Николай Александрович, отделившись от окружавших его офицеров, — вам уготована счастливая судьба. Судьба, которой позавидовали бы многие: защищать Отечество и наших православных братьев-славян. Вся Россия глядит на вас! Она как мать, жена или дочь, ждёт от вас защиты, ждёт проявления доблести и чести, — он поднял кулак и громогласно заявил: — Не посрамим… С нами Бог! Спасибо вам, братцы!

— Ура! Ура! Ура-а!

Николай Александрович опустил голову и снял фуражку.

— На колено, — невнятно забормотал я, — шапки наголо.

Взвод дружно снял папахи и опустился на колено, склонив головы. Священник громко читал молитву, махая кадилом. Я же украдкой взглянул на Государя. Его лицо порозовело, казалось, в уголках глаз мелькнули слёзы. Он поправил шинель и шашку — золотую, не участвовавшую в фехтовальных схватках. Царь-пушка, царь-колокол и царь-шашка, не знавшая вкуса вражеской крови. Государь вдруг посмотрел на меня пристально и тревожно выдохнул. Пар медленно рассеивался в тумане. Лицо его было красивым и ухоженным, глаза источали добро и тёплый свет. Я совершенно не мог отвести от него взгляд — как того требовал этикет. Государь попытался рассердиться, но у него ничего не получилось.

После мы проходили через знамя. Я подошёл последним, поцеловал полотнище, глянув на безучастного священника, — его глаза не источали ничего, только губы что-то бормотали. Всё происходило так сумбурно, что я не заметил, как Николай Александрович растворился. Будто и не было его.

Раздались строевые команды. Переполняясь смесью тревожных чувств, граничащих с помешательством и благоговением, я представлял, как выбегаю из окопа, как комья слипшейся бело-серой грязи вылетают из-под моих сапог, как достаю шашку, подбадривая испугавшихся бойцов, что идут в штыковую, крича «Ура!», обрушивая на голову мадьяр наш православный меч, отлитый для того, чтобы крушить врагов добра и справедливости. Я мечтал увидеть полковое знамя на вражеских окопах…

— Рота! Марш! — послышался голос капитана.

Мы двинулись в туман.

Долгое время я находился под глубочайшим впечатлением, произведённым на меня Государем, и был полностью погружён в мысли о его приезде. Теперь, когда он остался где-то в прошлом, я смотрел всё в такой же туман… Ближайшие минуты окутывала неизвестность. Я вышел перед своим взводом. Для большей уверенности расстегнул кобуру, достал револьвер.

— Солдаты! Мы идём защищать Отечество, очищать землю от… — я на мгновение задумался, — негодяев, поработивших наших братьев. Православные народы! — всё смешалось в голове, буря эмоций нахлынула на меня, я вспомнил про револьвер и продолжил: — Здесь семь патронов, а это семь жизней, но только не людей, а убийц, грабителей и мерзавцев. Готовьте штыки, братцы!

Послышался продолжительный трубный вой, нарастающая масса звуков и криков. Всплесками агрессивной волны донеслось: «Ура!».

— За мно-ой!

Я убрал револьвер, выхватил шашку и побежал с неразборчивым криком. Догнавший меня Егорка вдруг споткнулся. Папаха его полетела вперёд.

— Поднимайся, родной! — крикнул я, но слова съел оглушающий взрыв.

По левую руку поднялся столб копоти, в сторону полетели клочья земли.

— Вставай! Вперёд! — кричал я теперь самому себе.

Очередной взрыв случился совсем рядом. Почувствовав, как из ушей проступила кровь, я старался кричать изо всех сил, чтобы не оглохнуть. Пробежав ещё немного, я на мгновение остановился у кровавой ямы. Отвёл глаза. Воздух был заряжен порохом и гарью. Словно пущенная с неба стрела, снаряд больно ударил по земле. Я продолжил бежать, размахивая шашкой, будто это могло заглушить страх. Солдаты падали, как скошенные косой подсолнухи. Неумолкающий, всеобъемлющий свист нарастал. Упавшие пытались врасти в землю, лишь бы не слышать этот свист. Впереди сквозь дым проявлялись синие фигуры с петлицами тифозного цвета. Я, воткнув шашку в ножны, трясущимися руками достал револьвер. И тут всё потемнело. Шумы слились в один протяжный. Глаза сами собой посмотрели наверх, откуда падали комья земли…

Я лежал на мёрзлой почве, ничего не слыша. Только звон переполнял черепную коробку. Но уже пробивался первый луч. Тучи разгребал сам Государь Император Николай Александрович. Он улыбался и сиял, как орден. Затем тучи сомкнулись, словно театральный занавес.

Я поднял голову, рядом в грязи лежала папаха. Пальцы продолжали сильно сжимать рукоять револьвера. Спиридонов единственный был рядом. Что-то кричал мне. Я с трудом поднялся и попытался отряхнуть шинель. Она была совсем тяжёлой, хотелось оставить её умирать в грязи. Но Спиридонов продолжал кричать, тянул меня за собой. Я понимал, атака не получилась, больше никаких «Ура!» и вообще ничего. «Не носить Егорке бороды», — подумалось мне. Над полем пролетали лоскутки нашей победы.

Внезапно спину обожгло огнём, в груди раздался страшный треск. Дыхание сбилось — не вдохнуть. Казалось, мне более не ощутить сладостный воздух. На кителе появилось бурое

пятно. Окружающая действительность растаяла, как воск. В этот миг мне показалось, что поручик Лейб-гвардии Преображенского полка Пётр Петрович Сумароков отдал Богу душу.

явь

Тимур отложил рукопись.

— Ух! — вырвалось у него.

— Хтонь какая-то… — вставила Катя.

— А мне понравилось…

— Ну всё-всё! Хватит! — сказала Катя, когда Тимур снова потянулся за тетрадью. Она вылезла из машины, поправляя джинсы, натягивая их так высоко, что они впивались в бёдра. Тимур посмотрел на деревья за её спиной. Ничего не увидел. Катя говорила, что гроза пугала дождём, на деле — всего три капли… Тимур подошёл к разобранному сарайчику. Переложил брезент с отжившей рекламой, сложил в стопку оторванные от пола доски и вернулся к Кате.

— Поехали?..

— Слушай, нас Ивановы в гости позвали, — сказала она, отведя взгляд.

— А?

— Ты слышишь меня? Ивановы, говорю, в гости позвали.

— Понимаешь… Всё это будто со мной было.

— Что с тобой было?

Тимур промолчал.

— Так что насчёт Ивановых?

Тимур не ответил, закрыл ворота, сел в машину. Они поползли на трассу мимо смотрящего в никуда генерала на баннере, мимо будки со спящим охранником. Катя включила музыку. Тимур потёр виски, как-то странно заболела голова. Словно его, совсем крошечного, положили между двух металлических пластин и начали крутить рукоятку. Заскрежетал за кругом круг. Виски́ в тиски…

— …ви́ски? — долетел обрывок Катиной фразы.

— Какие ви́ски?

— У Ивановых будешь ви́ски пить, как всегда? А я пиво хочу…

— Да что ты заладила?! Ивановы! Ивановы! — Тимур резко затормозил на обочине. — Прости… Можешь сесть за руль? Голова раскалывается. Не буду я ви́ски. И к Ивановым не поеду. Не хочу никуда. Езжай одна.

— Как скажешь… — она, словно дева-воительница, вышла из машины, села за руль.

Мимо потянулись столбы и провода, столбы и провода, столбы и провода…

Она разбудила его, когда подъехали к дому. На улице стемнело.

— Полегчало?

— Не особо.

— Прими дома аспирин. Найдёшь на книжной полке. А я — сразу в душ.

Через полчаса, действительно, стало полегче. Катя всё ещё плескалась в душе. Шум воды успокаивал. Из почти пустого холодильника Тимур достал останки колбасы и масла. Сделал пару бутербродов. Открыл воду, чтобы набрать в чайник, но из ванной закричала Катя — обжигает! Придётся подождать. За окном моргала вывеска — надпись не читалась. Минут через пять душ замолчал, хлопнула дверь, и появилась Катя, туго затягивая пояс шёлкового халата. Её появление преобразило атмосферу жарким паром с привкусом мёда, что прежде возбуждало Тимура, заставляя тянуться к источнику, как мультяшного Рокфора к кусочку сыра…

Теперь же он машинально поставил воду, бросил пакетик «Липтона» в кружку с надписью «East or West — home is best» и снова уставился в окно. Отражение накладывалось на уличные огни, и он подумал: «Странно, раньше Катя любила заниматься любовью, не опуская штор. "Кто хочет, тот пусть и смотрит", — говорила она. Теперь шторы, как и прежде, широко распахнуты, но в квартире леденящая тишина».

После ужина они легли спать. Катя сразу же задышала ровно и глубоко. Спала она на спине. По привычке — без всего. Очертания её тела отражались на стене. «Будто Джомолунгма… Гора, которую ты уже покорил», — подумал Тимур, и тут же неприятно кольнуло. Что-то не так. Словно дни исчезают в полночь… Снова абсолютное и совершенное отсутствие сна. «Не нужно спать в дороге», — говорил он сам себе. Но никто не отвечал. Голова была пуста, как тыква на Хэллоуин.

Он подошёл к окну. Тускло блестели звёзды, где-то под ними пролетал спутник, видимо, фотографируя обнажённую Катю. Захотелось то ли выпить, то ли покурить, то ли простоять у окна целую вечность. Катя уйдёт, а он будет стоять. Чтобы заснуть, надо считать спутники или окунуться в фантазии, переходящие в сон. Тогда хорошо, тогда можно задремать прямо у окна, а проснуться в кровати…

— Вот чёрт!.. — закричал было он, но тут же заткнул себе рот. Покосился на Катю. Та перевернулась на бок, но не проснулась. Послушав её дыхание, Тимур быстро оделся и вышел на улицу. Глянул на своё окно, где ещё стояла его тень. Будто что-то вспомнив, вернулся к квартире. Замок закрыт на три оборота. Он посмотрел на ключи и вновь направился вниз. Сел в машину, не закрывая дверь. Достал сигареты, болтающиеся в бардачке на всякий случай. Затянулся. Однако липкий, как сахарная вата, серо-зелёный дым попал куда-то не туда, Тимур закашлялся.

— Эй, чахоточный! Не кури, раз не можешь! — закричал женский голос из окна.

Тимур выбросил сигарету, повернул ключ зажигания и выехал на улицу. Фонари полетели один за одним, полосы разделительной разметки всё быстрее мелькали под лобовым стеклом. Вскоре показался железнодорожный вокзал. Около сновали люди, но бесшумно и спокойно, словно отражения в зеркале. Гигантский циферблат завис в воздухе. Тимур подбежал к кассам. Только в одной горел свет. В зале было пустынно и одиноко. Его шаги создали гулкое эхо.

— Да, — за стеклом женщина средних лет подняла ресницы с комками слипшейся туши.

— Мне бы билет.

— Куда?

— Домой, — улыбнулся Тимур.

— Во даёт! А где дом-то?!

Тимур протянул стикер с адресом и наличность. Защёлкали клавиши. Через пару минут заветный билет оказался у него в кармане.

На выходе из вокзала, зевая, стоял какой-то челнок из прошлого. От него пахнуло беляшами, луком и ядом канцерогенов…

— Кофе есть? — спросил Тимур.

— Ага, — челнок достал пакетик «Голден игл», засыпал в бумажный стакан, акробатически сбросив сумку, достал чайник и налил кипяток.

— Откуда ж у тебя кипяток?

— Ага.

— Что ага?

— И кипяток есть. У меня всё есть… Ты знал, что обратную сторону таких стаканов покрывают полиэтиленом? А он имеет свойство накапливаться в организме…

— Полиэтилен?

— Ага. Постой, не уходи. Мы ждали лета…

— Что?

— И кофе чересчур сладкий, и сигарета не так крепка? Оковы сплелись вокруг плеч карамельными цепями?.. С навсегда чужой женщиной и незнакомым запахом собственного тела. За показным сахаром только соль…

Тимур глянул в раскалённый стаканчик. Кофе был таким горячим, что вкус едва чувствовался. Ничего не ответив, он развернулся и побрёл к машине. «Если Катя не проснулась, то и прекрасно. Чужая Катя? Бред какой-то…»

Автоматическая коробка подбирала подходящую скорость. Думать было не о чем. Остывающий кофе болтался под пластиковой крышкой в стаканоприёмнике. «При чём здесь полиэтилен?»

Припарковавшись, Тимур допил остывший кофе. Захотелось добавить сахар. «Усластить жизнь», — как любила говорить Катя. Он обернулся. Рукопись благополучно лежала на заднем сиденье. Под тусклым салонным светом он раскрыл её на следующей главе.

Глава 2. Енисейский порт

За окнами проплывали какие-то постройки, показалось одноэтажное здание вокзала, за ним маячила водокачка, мелькнула будка буфета. На перроне, глядя на прибывающий поезд, застыли несколько служивых. Рядом на скамье беседовали двое гражданских. Один теребил бороду по подобию Государевой. При воспоминании об царе вдруг стало не по себе.

Когда поезд остановился, я поднялся и разгладил китель. Тяжёлые, словно свинец, новые погоны штабс-капитана оттягивали плечи, напоминая, чего они стоят. На рукаве блестела лента за ранение. Я надел фуражку и спустился из вагона. На платформе меня ждали два молодых солдата в новых мундирах и унтер с повязкой на глазу.

Выслушав его сбивчивый доклад, я распорядился разгружать ящики и осмотрелся. Невдалеке — два грузовых состава. За ними открывалась панорама холмов, покрытых скудной растительностью, словно щетиной. Вышедший из состава разношёрстный народ расходился. Перрон пустел. За зданием вокзала мотала головой привязанная лошадь. Из двери с надписью «Багажъ» вышел мужчина с потным лбом и влажным подбородком. На нём была суконная тужурка со стоячим воротом и медными пуговицами, туго обтягивающая живот, и фуражка с овальной кокардой со скрещёнными молотком и якорем. Он едва заметно поклонился:

— Доброго здоровья, Ваше благородие! Виноват, Ваше Высокоблагородие. Я — Григорий Евсеевич, или можно по-свойски — Гриша, железнодорожный Гриша, — он улыбнулся, — дежурный по станции.

— Пётр Петрович Сумароков, — представился я.

Мужчина достал из кармана трубку и принялся раскуривать.

— Вас там, гляжу, кормёжкой не балуют! Вот, помнится, в японо-русскую…

У меня сдавило в груди, я откашлялся в платок, — крови не было, что несколько подняло настроение.

— Да нет, с обслуживанием в армии неплохо. Просто диета, знаете ли.

— А-а, понимаю-понимаю. Ну что, один ящичек, — сюда, — он заглянул за дверь станции и, щёлкнув толстыми пальцами, указал на место.

Солдаты было пошли, но я их остановил.

— Погодите-ка, все ящики едут до конечного пункта следования.

— Здесь давнёхонько всё решено, — подошёл ближе унтер с повязкой на глазу, — уж не впервой…

— Ты чего?! — прикрикнул я.

Он вытянулся и замолчал. Я посмотрел в его небесно-голубой глаз, окружённый сетью морщин, оспинками и шрамами-рубцами от пороха. Над глазом реденько торчали несколько волосков, которые раньше составляли бровь. Почему-то вспомнились промозглые окопы. Я попытался отогнать их от себя, а также госпиталь и последующую болезнь. Всё осталось на западе империи.

— Обращайся как положено, — прикрикнул я унтеру.

— Виноват, Ваше Высокоблагородие…

— Пётр Петрович, осмелюсь заметить, вы не совсем правы… — затянул было Григорий.

— В чём же?

— Мы проверим, имеются ли запрещённые предметы, только и всего.

— А взамен солому?.. Наслышан.

— И нам и лошадям легше будет, Ваше Высокоблагородие… — начал одноглазый, отбивая носком сапога землю.

— Унтер! Найдите телегу!

Железнодорожник что-то вяло ответил. Одноглазый медленно побрёл на станцию.

— Унтер, шевелись! — крикнул я ему вслед.

— Целая дюжина ящиков!.. — устало заскрипел Григорий, — господин, штабс-капитан, вы сами-то знаете, что в ящиках? Ссыльные эти поди душегубы, бунтовщики да нехристь всякая… По что им ящики с добром-то с этим?

— А что им, по-твоему, полагается?

— Петля, вот что!..

Но мне, собственно, не было дела до того, что им полагалось. Сказано доставить, значит надобно доставить.

Вскоре унтер подвёл лошадь и сел рядом с извозчиком. Они о чём-то переговаривались. Солдаты погрузили ящики. Скрип колёс смешался с хриплым дыханием лошади. Я посмотрел в её уставшие глаза. Тяжело ей будет.

Мы пристроились тоже и через пару десятков минут прибыли в порт, где среди почтовых сундуков, обшитых листовым железом, пудовых мешков с сухарями и тюков с фуражом, на покрытой соломой тележке храпел, как тур, грузчик. Другой разговаривал с молодой женщиной в платке, с румяными щеками, добродушным лицом и корзиной в руках. Она смущённо поглядела на меня и улыбнулась.

— Будьте здесь пока, — сказал я унтеру.

На мешках в пыли оживлённо спорили два грузчика.

— …Вот я же говорю, затевается в Петрограде! Брошюры его читал! А Бабушкин? Как пить дать — врёт! Я так считаю, коли мракобес — на Енисей!..

— Мужики, где начальник порта? — спросил я.

Рабочие переглянулись.

— Где найти начальника порта? — повторил я.

— Во-от там, — указал один из них.

Когда я пошёл по указанному направлению, вслед донеслось:

— Правдива молва, чай, в Петрограде опять девятьсот пятый наступает?!

— Прошу прощения, услыхала, что начальника порта разыскиваете? Я как раз туда направляюсь, — меня нагнала молодая женщина с корзиной.

— Прекрасно, сударыня. Позволите? — я перехватил её корзину. Чего там только не было: разнообразные закуски, ржаной хлеб, сыр, горчичный соус, ножки от цыплёнка и бутылка красного виноградного вина с деревянной пробкой.

— Благодарю вас, господин офицер… — женщина кокетливо улыбнулась.

Идти было недалеко. Скрежет лебёдок заглушал разговоры, у кнехтов матросы, матерясь, тянули канаты. Было шумно, возможно, поэтому я ничего не ответил этой прекрасной женщине. Мимо прошагали рабочие, оставив запах пота и рыбы.

У свежеокрашенной изумрудным цветом двери мы остановились. Я постучал.

— Занят я! Позже! — раздалось оттуда.

— Сильвестр Фёдорович, это я! — крикнула женщина.

Дверь бесшумно отворилась, на пороге стоял краснорожий человек с бегающими глазками.

— А вы, простите, от кого-с? — от него разило чесноком и полугаром. Хлебные крошки на вороте его пиджака напоминали древесную муку, на лацкане красовалось небольшое пятно от какой-то жидкости.

В кабинете находился ещё один господин. Высокого роста, в белоснежном костюме, высушенный, с вытянутой, словно для цилиндра, головой. Не отрывая глаз от газеты, он спросил:

— Сильвестр Фёдорович, это что за?..

Тот заскулил, замахал руками и попытался меня остановить. Но я прошёл в кабинет, оглядывая богатое убранство с головами убитых на охоте животных, золотыми табакерками и пепельницами.

— Зачем, зачем вы вваливаетесь сюда?! — повысил, наконец, голос Сильвестр Фёдорович.

Я повернулся к нему и предельно строго спросил, поправляя нашивку за ранение:

— Когда отбывает пароход?!

— Пароход отбывает после господина, — он неуверенно указал на мужчину в белом пиджаке.

— Я буду вынужден лично доложить… — начал я.

— Пускай плывёт, Сильвестр. Свидимся ещё.

— До вечера отчалите-с! — вытирая пот со лба, выдохнул Сильвестр.

Унтер и солдаты помогли грузчикам поднять ящики на пароход. Вода Енисея всё больше темнела, будто в неё кто-то незаметно подливал чернила. Далёкие фигуры затягивали последние узлы на тюках, доносился лязг цепей и лошадиное ржание. Скрипели деревянные сходни, по которым внизу прохаживалась женщина с пустой корзиной. Витал запах смолы, машинного масла и речной сырости, смешанный с дымом пароходных труб. Над водой кружились чайки. Когда последняя телега, скрипя колёсами, медленно отъезжала от причала, пароход стал отползать и прокричал в речную тишину, затмив крик чаек. Вдали, у горизонта, последние лучи окрашивали облака в багровые тона. Я держался за холодный занозистый леер и смотрел в сторону порта, где со стопками «столового» беседовали Сильвестр Фёдорович и кадавр в белом пиджаке.

явь

По окну постучали. Тимур вздрогнул и, глянув на запотевшее стекло, открыл дверь машины.

— Катя!

— Она самая.

— Ты как меня нашла?

— Как нашла? Сверху увидела. Чего домой не идёшь?

— Я билет купил. Сегодня же у отца день рождения! Последний билет, представляешь!

— Тимур?

— Что?

— Ты опять купил билет?

— Так у отца день рождения! Ночью вспомнил!

— Ладно… День рождения так день рождения. Я сегодня заеду к Ивановым… По делам… Оставь, пожалуйста, машину.

Когда Катя ушла, Тимур достал билет, посмотрел на фитнес-трекер, засунул билет в карман, туда же положил рукопись и, не заходя домой, направился в сторону вокзала. На углу остановился у самокатов. Оглядел их мигающие огоньки. Синий, красный, зелёный… Синий, красный, зелёный… «Можно не пешком, вот этот жёлтенький на меня смотрит». Он повозился с приложением, осмотрел ручку самоката, оттолкнулся и поскользил по тротуару. Быстрее и быстрее… Поток ветра бил по лицу, развевал волосы, сносил крышу.

В поезде, удобно расположившись, Тимур сделал несколько глотков минералки, купленной на вокзале, посмотрел на отплывающий перрон. Рядом никого не было, только на боковушке сидел обрюзгший человек непонятного возраста. Едва Тимур раскрыл рукопись, человек сказал:

— Слыхал, что произошло?

— А? Это ты мне?

Человек, направив в проход выпирающий живот, погладил щётку седых усов и посмотрел по сторонам.

— А кому же ещё?

— Не знаю. А что произошло?

— Кто-то тонул сегодня.

— Ну и ладно. Слушай, я вообще-то занят…

— Чем занят?

— Читаю.

— Пустую тетрадь читаешь? — захихикал человек.

— Что за бред! Заняться что ли нечем? — Тимур отвернулся и постарался продолжить чтение, однако настрой был сбит.

Он убрал рукопись и посмотрел в просвет между шторками. Мимо, словно металлические деревья, пролетали фермы моста. Под ними плыл старинный пароход, дым из труб поднимался чуть ли не до поезда. Когда река осталась позади, Тимур внимательно осмотрел соседа, — кожа его лица была подобна апельсиновой кожуре, в руках прошловековая газета. «Странноватое создание», — подумал Тимур, засунул ногу под себя и закрыл глаза.

Перекрестием смотрели врозь светильники опор освещения. Разрушенный асфальт разъезжался, как кочки на болоте. Всякий раз Тимур приезжал ночью, будто привлекала его сумеречная территория, покрытая куполом тлена, где ничего не происходит, где всё спокойно, как в прошлом, где жизнь останавливается, чтобы дождаться опоздавших.

Вдоль тротуара — ржавый трубопровод с разорванной изоляцией. Рядом — трое нетрезвых на старых стульях с подпиленными ножками и рваными сидушками. Разбросанные картонки и коробки от бытовой техники — этакое убранство местной богемы. Автобусы не ходили, машины не ездили. Редкие пассажиры, что вышли из поезда, растворились. Казалось, кроме этих троих, здесь никого не существует.

— …Может быть, поэтому силосы для цемента так похожи на кислородные баллоны пожарных?

— Послушай, ведь все лампы источают тусклый жёлтый свет, а одна — яркий белый, как Луна.

— Так лампы в ней другие.

— Заграничные что ли?

— Может, просто пешеходный переход подсвечивает?

— Зачем?

— Чтоб люди видели куда идти!

— Это да, в жёлтом только сигарету под носом разглядеть!

— Чего там у тебя пиликает?!

— Часы… Шаги считают, а мы стоим долго.

— Зачем их считать?

— Чтоб знать, сколько прошёл.

— Прошёл или прожил? Он тебе там не показывает, сколько до конца пути осталось?..

— Твоя присная всегда повязку носит, как удавку. Никак не пойму, зачем женщинам повязка на шее.

— Сексуально.

— Мож, рана кровоточит, мать её!

— Схватить и таскать за собой…

— А ты как думаешь, парень? — резко обернувшись, спросил мужик в выцветшей футболке с едва заметной надписью USA и растянутым, как старая татуировка, белоголовым орланом.

— А цвет какой? — отозвался Тимур и подошёл к ним.

— Да какая разница? Ну, белый.

— Разница? Смотри, белый — чистота, непорочность…

— Такую просто не возьмёшь, по крайней мере, на первом свидании! — вдруг подхватил второй, со сломанным носом, похожий на крючкоклювую утку.

— Чёрный — сила… — продолжил Тимур.

— Таскаться замучаешься!

— Красный… Рану скрывает.

— Не тронь, замироточит! — заключил мужик-утка.

Закрапал дождь. Труба пошатывалась, создавала скрипичные созвучия.

— На вечернем пригнал, значит… И чего ты забыл в нашей яме? — спросил «американец».

— На день рождения приехал, — ответил Тимур и прислонил к губам выданный стаканчик, пахнущий дешёвым пластиком, что перебивал запах алкоголя. Неподалёку, словно напоминанием об Эйфелевой башне, стояла ржавая вышка ЛЭП — крест, вкопанный в родную землю.

— Где именинник-то твой?

— Отдыхает.

— Наотмечался уже?

— Типа того.

— Расскажи что ли о нём? — предложил мужик-утка, разливая.

— Не знаю, что рассказывать. Он писал всегда. Вообще был удивительно странный. Какие-то мысли постоянного его преследовали. Будто жучок в голове надиктовывал. А задержать не мог, вот и ходил с ручкой.

— Талантливый?

— Не думаю. Себя он называл собирателем потусторонних мыслей, что электризуются в воздухе и витают. Собирая их, он нахаживал десятки тысяч шагов…

— Во, опять пиликает, — вставил мужик-утка, показывая на часы, — говорят, двигаться надо.

— О чём я говорю, когда говорю о ходьбе… Пойдём, мужики, — вдруг вставил молчавший до этого третий.

— А вы сами чего в этой яме? — спросил Тимур им вслед.

— Так мы, вроде как, вне времени и пространства. Сегодня здесь, завтра… — махнул рукой «американец».

— Понимаешь, парень, небо-то над всеми городами одинаковое… — бросил третий, скрываясь в темноте.

Обильный дождь редко бывает затяжным. В синеве неба проплывало треугольное облако, пирамидион, сокрытый от человеческих глаз. Облачных ступеней не сосчитать. Через несколько мгновений облако растворилось, будто и не было никогда.

Ничего вокруг не указывало на человеческое присутствие. Казалось, люди покинули эти места. Дикие заросли свисали над треснутым тротуаром лианами джунглей. Старый, некогда красный, кузов «копейки» был крепко притянут к земле толстыми растениями. Трубы кир-

пичного завода пустотело глядели в небо. Газовый ковер проржавел и походил на пенёк. Да и самого газа здесь давно нет. На возвышенности, где когда-то стояли бараки с бельём на натянутых верёвках, покрытый растительностью пустырь. Сквозь скрюченные пальцы веток еле проглядывают дома, будто ставшие частью природы. Завалившаяся кровля, рваная толь и покосившиеся доски вразнобой глядели на съехавшую крышу. Вход давно порос буреломом. В окнах практически не осталось стёкол, лишь по краям рамы звёздами глядели куда-то в светлое будущее острые осколки прошлой жизни, что вылетела в другие места, заполнив густонаселённые земли своим скромным присутствием. Лунный свет скончавшимися зайчиками прыгал по внутренностям, бродил по комнатам, смотрел на мягкий мох, скатертью покрывавший плоскость оставленного стола.

Ниже — неровным слоем эпоксидной смолы застыла река. Тимур спустился, прилипая к глине, неся тяжесть на себе. Ноги приваривались к земле. Когда-то здесь был мост, перекинутый на другую сторону, ничем, впрочем, не отличающуюся от этой, с такими же склонёнными к реке ивами и бараками, в которых по ночам зажигались окна, превращая их в буквы Голливудских холмов. От моста посреди реки осталась только деревянная опора. На обоих берегах частоколом взирали к небу остатки срубленных когда-то деревьев. Из них произрастали новые. Перепонками гусиных лапок свисали огромные набухшие влагой листья, качались, то подсвечиваясь, то скрываясь в лунной тени.

Вдруг между деревьев показался старик с бамбуковой тросточкой. Заметив Тимура, остановился. Они посмотрели друг на друга. «Откуда взялся этот старик? Вылез из картины Клевера?» Борода доходила до рёбер, сквозь неё пробивался блестящий под лунным светом крест. Старик поднял руку и едва уловимо помахал Тимуру. Тот помахал в ответ. Старик подобрал кусок глины и швырнул в опору. Комья грязи, не долетев, создали несколько расходящихся кругов, будто солнечных систем, разбросанных по вселенной и не помышляющих о существовании друг друга. Видимо, не дождавшись реакции Тимура, старик развернулся и медленно пошёл туда, откуда появился. То есть, в темноту. Тимур хлопнул ладонью по голени, по руке, по лбу, — разлетевшаяся мошкара зависла мушками в глазах — постоял немного и направился наверх. Поднявшись, обернулся и увидел, что старик стоит на другом берегу. Он, оказывается, никуда не ушёл, просто ждал, пока уйдёт Тимур. «Надо крикнуть ему, что я не намерен уходить первым. Это моя земля!» — подумал Тимур, спускаясь и срывая тростник, разрезающий ладони. Чёрная кровь, остающаяся на стеблях, стекала, растягиваясь словно битум. Увидев это, старик, бросив трость, пошёл вдоль берега, фигура его постепенно бледнела, и когда на горизонте стали появляться бордовые линии, рессорами покрывающие холмы, полностью исчезла. «Надо возвращаться. Скоро раздастся гудок, и я сяду в поезд. Накину тяжёлый плед поверх рваной простыни и наконец-то высплюсь».

Над гребнем реки по далёкому металлическому мосту, мокрому от вчерашнего дождя, проплывал поезд. В одном из окон суетилась проводница, застилая постель, оставляя тепло ладоней на простыни и аромат туалетной воды в тесном пространстве купе.

На середине моста Тимур проснулся и, немного полежав, направился в сторону туалета. Там, в такт металлическим стукам, мерно гудела лампа. Из зеркала на Тимура смотрел опухший тип с растрёпанными волосами. На обратном пути, когда он остановился у расписания, дверь купе проводников с треском отворилась, и по сонному коридору будто пробежал разряд, застучали каблуки, выводя незатейливую мелодию. Поправляя ворот голубой рубашки, на подиум выходила Эос. Взмахнув гигантскими ресницами, она откинула назад волосы и вплотную подошла к Тимуру.

— Вам что-то подсказать?!

— Темно, не могу прочитать расписание…

— Тогда, может быть, здесь?

Она взяла его под руку и завела в купе.

— Вот тут хорошие буквы, — она достала из рундука «Чёрного аиста».

— Ви́ски?

— Какой же это виски? Хотя разве это так важно?

— В общем-то, без разницы, но нужно виски.

— Кому нужно?

— Ей… Я хотел сказать, виски имеет богатый вкус, мне больше всего нравятся нотки гвоздики и мускатного ореха…

— Я угощу вас… с одним условием… — она поправила лямку бюстгальтера и перетянула волосы тугой резинкой.

— Каким же?

— Вы почитаете мне.

— Что почитаю?

— Из той тетради…

Глава 3. Унты для каторжанина

Пароход шёл по Енисею уже несколько дней. Стоя на палубе, я очаровывался великолепием безмолвия. Сопровождающие меня унтер-офицер и два солдата играли в «подкидного». Серые тучи, театральным занавесом двигаясь по беспокойному небосводу, навевали петроградские мысли. Только здесь — спокойствие и тишина. Нет ораторских речей и демонстраций, случайных смертей и забастовок. Берег покрыт пёстрой галькой, а поднимающиеся холмы усеяны деревьями всевозможных пород. Пилообразная гряда, пестрящая мазками изумрудного, растворяющегося в янтаре, с проблесками каштановых стволов, напоминает палитру художника. Бурная река заливала берег волнами, пена подлетала и рассеивалась.

Меня, Петра Сумарокова, направили в экспедицию по рекомендации генерала, лично знавшего меня ещё по военному училищу. Имя его предпочту оставить в тайне. Задача моя — доставить призывные листы тем, у кого заканчивалась ссылка, а заодно проверить их лояльность. Фронт нуждался в кадрах. Найти их не так-то просто… Увеличить число годных к строю можно было, по предложению генерала, путём амнистирования не представляющих опасности ссыльных и сокращения административного аппарата, который подбирался, по большей части, из людей военных.

— Ваше Высокоблагородие, кажись прибыли! — сказал унтер.

Увлечённый мыслями, я не сразу разглядел на берегу неподвижные фигуры рыбаков, уставившихся на пароход. Село представляло собой скопище наспех сколоченных бревенчатых изб с торчащей из щелей паклей. На отшибе виднелись баня да псарня. Заместо забора — бесконечная стена тайги. Справа в Енисей впадала узкая и тёмная река Курейка.

Мы причалили. Я распорядился разгружать ящики, сам же взял охапку призывных листов. Унтер поздоровался с начальником администрации, который оказался седым складным чиновником в чёрном пиджаке.

— У нас тут, Ваше Высокоблагородие, ни церкви, ни кабака. К обедне в Монастырское за сто вёрст плыви, — сказал чиновник, будто считав мои мысли.

— Понимаю, что не Петроград, — ответил я.

Чиновник, заметив, как я изучаю дома, сказал:

— Стужа зимой… Затыкаем чем бог дал!

— Вы о чём?

— Льняное волокно, поглядите меж брёвен.

— Помогает?

— Смотря как заделывать! Ежели с верой, то несомненно теплее становится, а коли через пень-колоду… С чего начнёте?

— Мне бы с вашими ссыльными завести знакомство.

— А это легко. Всякий в зипуне, с которого клоп висит, тот и ссыльный, — он показал жестом свисающего клопа.

Я усмехнулся.

— Вас старший ихний в дело введёт, — продолжил он.

— А вы что, здесь табели не ведёте?..

Слова мои, очевидно, задели чиновника, он нахмурил брови:

— Почто вы так? У нас здесь не тюрьма!

— Вижу, что не тюрьма. Бурса какая-то!.. Глядишь, и старший ваш — архиереем окажется. Веди тогда к нему, коли так. Потолкуем.

— Даже не знаю, где они нынче… Однако найдём.

Сизые сумерки ложились на полянку с приземистыми избами, будто гвоздями вбитыми в ковёр. Мы подошли к одной: серой, невысокой, поросшей мхом. Из соседнего строения донёсся собачий лай, а следом — голоса. Я прислушался.

— …Ухарь этот вваливается в загон и тычет на них.

— Да ну?!

— Ага! Этого, говорит, на левую голенищу, этого — на правую.

— Шельма… — он зацыкал. — А ты что?

— А что я?! Дуй, говорит, сдирай, пока тёплые.

— Так шкура разная, чёрт бы его побрал!

— Не, все одного помёта. Говорит, как социализм настанет, из всех собак унты сделаем. И бродячих меньше, и пролетарии при деле… Главное, говорит, по шейку резать, чтоб мездра чистая…

Слушать дальше я не стал. Чиновник семенил впереди, забегая то в один дом, то в другой. Наконец он отыскал главного ссыльного. Мы подошли к его избе — ничем не отличавшейся от других, разве что более протоптанной дорожкой.

— Всем здравия! — с порога заявил я.

Внутри было до рези в глазах накурено. По углам в полумраке стояли молодые люди в пиджаках поверх разноцветных рубашек. Кто-то был в шляпе. Посредине на столе горели сальные свечи, заполняя комнату тошнотворным запахом. За столом сидели двое: моложавый, с аккуратно уложенной шевелюрой и бородкой, глаза его бегали по товарищам, пока наконец не остановились на мне; сидевший рядом — значительно старше, смолил папиросой, жадно втягивая полные лёгкие, извергая дым, словно паровая машина, улыбка его была какой-то отталкивающей, глаза вылавливали, искали слабость, скрыться от этого взгляда было сложно, не улыбнуться в ответ — невозможно.

— Я поздоровался, вообще-то!

Все как по команде перевели взгляд на вожака. «Волчья стая», — подумалось мне.

— С Северной коммуны? — с грузинским акцентом спросил старший.

— С фронта! — укоризненно ответил я.

— Ах, Самхедро чамовида! Тквен мкрыали сулели…

Несколько человек громко засмеялись, а вожак опустил глаза, ехидно улыбнулся и закурил новую папиросу. Папиросы здесь курили неплохие.

— Грузинский не понимаю. Переведи, — обратился я к молодому.

— Я еврей и по-грузински не говорю, однако из уважения к вам переведу… — он виновато улыбнулся и продолжил на эсперанто: — ла милистарапо алвенис, ви фетора малсагулу.

Засмеялось ещё несколько ссыльных, а я впервые за долгое время вспомнил о брате. В своё время стоило поучиться у него языкознанию.

— Весьма доходчиво. Начальник сказал, что с вопросами надобно к вам подходить.

— Верно сказал. Только ты не с того начинаешь. Садись. Закуривай, — сказал вожак неторопливо.

— Не имею такой привычки.

Вожак несколько раз цыкнул языком.

— А мы курим. Делать здесь больше нечего. Власть, за которую ты кровь проливаешь этих карги людей суда, на край… мицис. Сулэли, сулэли…

— Сумароков Пётр Петрович. С кем имею честь говорить?

— Коба это, — сказал еврей так, будто это значило что-то важное.

— Послушай, Коба! У меня в полевой сумке призывные листы. Божьей милостью император дарует своим сынам милость и надеется на ваше добровольное раскаяние. По многочисленным прошениям дозволяет вступить в ряды российской императорской армии!

— Блестяще! — рассмеялся еврей. — Правда, загвоздка есть! Несущественная. Не положено нам! Мы, понимаете ли… политические.

— А там разные нужные, и вы сгодитесь.

Коба ещё раз затянулся и махнул рукой в сторону выхода. Поднявшись, посмотрел на меня и бросил:

— Шеморченил мтертаган велазе мтери мегобрад гаможгхавнебули…

Ссыльные засуетились и повалили на улицу. В помещении остался только еврей.

— А вот последнее я переведу. «Из врагов всего опасней враг, прикинувшийся другом». Это из Шоты Руставели…

— Благодарю, — ответил я.

— Исаак Бергман меня зовут. Коба — интересный человек. Конечно, простоват где-то, ему бы теории подучиться, но, в целом, сильный.

— Какой теории? Война идёт, а вы о теории!..

— Вы что же, хотите без конца воевать?

— Разумеется, нет.

— Вот, — усмехнулся Исаак.

Мы поговорили с ним минут пять. Не то чтобы содержательно, но расстались хорошо.

Места эти не отличались разнообразием, если не сказать, что были одинаковы. Я побывал ещё в ряде подобных селений. Однако люди, несмотря на ссылку, были одухотворены предчувствием революции. Ходили важные, держались даже высокомерно. Сбивались в кружки по убеждениям. Были среди них и лидеры. Доводилось слышать, что внедряют они здесь бесчеловечные тюремные порядки. Даже в Трубецком бастионе не царили такие жуткие вещи, что вводили здесь эти так называемые «политические». Но меня это не касалось. Я выполнял то, что было предписано. Некоторое число ссыльных и чиновников из административного аппарата отправились-таки на фронт. От пристава услышал, что Коба агитировал сопротивляться мобилизации, однако сам вскоре был отправлен в распоряжение воинского начальства. Через некоторое время я вернулся в Петроград. А под конец зимы отбыл в один из фронтовых полков, где занял должность заместителя командира роты.

Через неделю, в солнечный мартовский день, ко мне подошёл капитан Брютов, командир роты:

— Здравия вам, господин штабс-капитан! Слыхали, небось, что произошло?

— Виноват…

— Отрёкся Николай Александрович.

— В пользу?..

— Брата, но тот тоже отрёкся! — сказал капитан Брютов и хлопнул себя по колену.

— Что же с фронтом будет?..

— Нехватка личного состава… Даже штабных приходится привлекать. Но вы-то тёртый калач, Сумароков!

— Да куда мне, господин капитан…

— Не скромничайте. Коли Бог поможет — отстоим дело праведное. Доживём до мира. Невеста есть у вас? — вдруг добавил он.

— Не помню, давно всё это было…

— Советую написать ей чего-нибудь перед отправкой.

— А что я ей напишу?

— Как это что?! Вернусь и заживём в новом свободном мире: без войн, голода и грязи. Не за это ли три года сражаемся?.. Вот у меня — сын! Что ж он мне скажет, если я, не солоно хлебавши, домой вернусь? Он ж настоящим мужчиной должен стать! А где он его увидит, как не в отце родном?!

— Военным станет?

— Пускай лучше книги пишет, а я уж как-нибудь ради него мир добуду…

В перелеске взлетали птицы, вздрагивали ветви. Солнце нового дня поднималось над страной, открывая новую страницу — страницу счастья будущим поколениям. Тихо зазвучал аккордеон. За спиной адъютант выводил нежные ноты из податливого инструмента. Затягивал и взрывал тишину благозвучиями. Вера в хорошее, до дрожи в руках, доводила до исступления. Теперь просто не может быть плохо! Теперь и умирать как-то совестно! Адъютант растянул инструмент, и меха лопнули, не выдержав напряжения… Из образовавшейся раны на свободу выпорхнули последние несыгранные ноты, смешавшись с воздухом.

явь

— Подожди, Тимур!

— Что?

— Давай покурим.

— А как же книга?..

— Не убежит.

Проводница забралась коленями на стол, открыла форточку. Перед Тимуром оказались пятки в чёрных колготках. Он достал из лежащей на столе пачки две сигареты и собрался было закуривать.

— Ты что делаешь?

— Сама же сказала.

— Я не говорила, что мы здесь будем курить. Пошли на улицу.

— На улицу? Мы же едем?!

— Стоим, — улыбнулась проводница.

Тимур посмотрел в окно. Пейзаж за стёклами не двигался. Поезд, действительно, стоял среди леса. Тимур дёрнул ручку двери и вышел в коридор. Там никого не было: матрасы скручены, вагон прибран. Только теперь он заметил, что на проводнице белая футболка с надписью «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ», что прекрасно сочеталось с каштановыми волнами и зелёными глазами. Она ногой задвинула дверь купе и протянула Тимуру бокал.

— Что это?

— Виски. Ты же хотел виски.

Дверь на улицу была открыта. Спустившись, Тимур подал проводнице руку. Когда она спрыгнула, он хотел обнять её, но мешал бокал в руке. Виски плескался, заглушая нотками мускатного ореха аромат железной дороги и запах окрестного леса. В обе стороны тянулись рельсы, деревья и тишина. Проводница от одной сигареты раскурила другую. Протянула Тимуру. На фильтре остался едва заметный след от помады цвета гвоздики. При первой же затяжке Тимур закашлялся, — виски, сделав полукруг по бокалу, едва не перелился через край.

— Тебе ведь нельзя курить, зачем я, курица, предложила… — по-матерински сказала проводница, взяла у него сигарету и, бросив на землю, придавила носком ~~кроссовок~~кроссовка.

— Да никому нельзя, наверное.

— Тебе в особенности.

Появилось ощущение, что он уже слышал эти слова. Что-то скользило в его памяти.

— А где мы? — спросил Тимур, откашлявшись.

— В депо. Твой дом здесь, неподалёку. Вот туда, по тропинке.

— А ты?

— Ты же знаешь. Когда я на работе, поезд — мой дом… Не забудь тетрадь.

Они молча постояли. Будто пропали все слова. И ни единого дуновения. Докурив, проводница забрала бокал с остатками, помахала Тимуру и взошла по ступеням, причём последняя откликнулась нотой си.

«Интересно, долго ли будет стоять здесь этот поезд? А что теперь в других вагонах?» — подумал Тимур и побрёл к указанной тропинке, минуя дыру в сетчатом ограждении, пытаясь рассмотреть что-нибудь в окнах поезда, но там отражались только деревья и небо. В лесу было прохладно. Ели словно хотели зацепить его, но лес оказался не таким огромным, как представлялось, напоминал, скорее, парк. За табличкой «НЕ КОПАТЬ» деревья стали рассеиваться. Тропинка вывела к малоэтажной застройке, из-за высокого забора доносились голоса птиц. «Кладбище, наверное», — подумал Тимур.

Янтарные дома под идеальным солнцем источали умиротворение. Пройдя по дороге, Тимур упёрся в очередной забор, на этот раз из профлиста, дальше виднелись многоэтажки. Серые высотки поражали контрастной тревогой, но притягивали, как маяки. Даже свет здесь, казалось, был совсем другим. Один профлист отсутствовал. Тимур перешагнул поперечину и направился к домам. Обойдя первый квартал, он увидел Катю, садящуюся в машину.

— Ты чего так быстро?! — удивилась Катя.

— Ну, поздравил и вернулся. Чего глаза мозолить?

— Отлично! Поедешь со мной к Ивановым?

— Да не.

— Хотя бы отвези… Пожалуйста!

— Только не копать и не прислоняться.

Катя будто бы согласилась. Тимур сел за руль, убрал тетрадь в бардачок.

— Слушай, — сказал он, заводя двигатель, — как ты думаешь, стоит Ивановым о рукописи говорить?

— А ты разве сможешь умолчать?

Они поплыли вдоль домов. Ехать было далековато, на другой конец города. Но Катя обожала ездить, а Тимур угождал ей в этом. Угодить он мог во многом, но только не в музыке. Треки с бесконечной меланхолией заполонили собой весь маршрут. Пролетали хребты транспортных развязок, давая возможность почувствовать себя каплей крови в артериях города.

Едва машина пересекла шлагбаум, из раскрытого окна третьего этажа донеслась эзотерическая музыка. Катя оживилась и толкнула его за плечо.

— Это у Ивановых!

— Прекрасно.

— Ты чего? Не рад? Оставим машину здесь, можешь выпить…

— Я… уже пил сегодня...

— Что?!

— Виски…

— Да плевать, что! Где ты пил?!

— На дне рождения… Забыл совсем. Не надо было за руль садиться!

— Тогда я вообще не понимаю, о чём ты думаешь! Побежали.

Она вынырнула из машины и схватила Тимура за руку. На серых ступеньках хрущёвки улавливался знакомый аромат. Дверь в квартиру Ивановых была украшена деревом, реечки сходились и расходились, походя на выпуклые ромбы.

Вдруг Тимур осознал, что Кати нет. Она что же, не пошла за ним? Он выглянул из окна, — машина на месте. Неужели приехал сюда один? В этот момент дверь распахнулась, и на пороге вырос Иванов. Поправил очки в роговой оправе. Погладил ладонью подбородок. Тимур попытался припомнить, когда был здесь последний раз. Это плохо тогда закончилось. Он забегал глазами в надежде уцепиться за что-нибудь. Вот! На стенах подъезда висят картины в само-

дельных деревянных рамках. На картинах будто угадывались эпизоды из прошлого, но какие именно, Тимур не понимал. Зарево на ближайшей напоминало закат. Однако Тимур увидел что-то зловещее в этом свечении, оно проходило между елей, спиливая их, оставляя обрубки. Сверху и снизу. Будто ёлки эти могут висеть. Однако они стояли, стояли до, будут стоять после. Тимур подошёл вплотную, вгляделся. Показалось, что из солнца кто-то направляется к нему. Или к деревьям? Там определённо кто-то был. Почему-то сознание всегда дорисовывает отсутствующие детали. Но эти детали были так глубоко, что Тимур не мог ничего вспомнить. Словно пустая комната стала наполняться предметами, лишь издали напоминающими привычные. Тимур оторвался от полотна. Иванов стоял рядом и тоже глядел на картину.

— Это то, что я думаю? — спросил Тимур, не уточняя, будто Иванов должен был понять сам.

— Не знаю. Рисунок, вырезка из журнала, да что угодно. А ты что на ней видишь?

Тимур снова посмотрел на рисунок:

— Да ничего. Показалось просто.

— Зайдёшь?

— Давай в другой раз.

— Может, почитаешь хотя бы?

— Что почитаю?

— Рукопись.

— А ты откуда знаешь?

— Катя сказала.

— А где она?

— У нас. Мы тебя ждём.

— А… так я это… Пошли.

Квартира Ивановых была понятна ему. Только сам Иванов в эту квартиру не вписывался. Будто, на самом деле, здесь проживали другие, — болезненнее и старше. Паркет отозвался диссонансом. В большой комнате сидели Катя, жена Иванова, ещё какие-то люди. Среди собрания невнятно тараторил облезлый (как диван, на котором он взад-вперёд качался) мужичок:

— …Поэтому я так нелепо ошибся. Всё насмарку, столько трудов! Я перепутал всего одно слово! Оно мне теперь снится…

— Какое слово, Денис.

— Боже, нет!! Что вы!.. — запричитал мужичок, шатаясь всё сильнее.

Иванов подошёл к нему вплотную, присел, сильно сжал за плечи. Тот перестал качаться.

— Идентичностью, — сказал некачающийся Денис, и слеза покатилась по правой щеке.

Иванов прижал его к груди. Мужичок ещё какое-то время всхлипывал, но вскоре успокоился.

— Ну а Катя? Может быть, чем-нибудь поделишься с нами? — попросил Иванов, отпуская Дениса, вперившись взглядом, полным возбуждения и уверенности, в Катин рот, будто оттуда должно вылететь конфетти.

— Даже не знаю, — заулыбалась она Иванову.

— Почему, например, ты не веришь в мистику?

— Возможно, из-за детства… Я даже в Деда Мороза не верила. Помню, как он приходил к нам. Просто наряженный дядька. Подарки подарил, я ему стишок рассказала. Вышли потом с мамой на улицу. Смотрю, стоит он и мочится в урну. Ну какой Дед Мороз будет мочиться в урну посреди двора!

Зародившийся смех вдруг разрубил властный скрежещущий голос жены Иванова.

— Тимур, рада тебя видеть! Почитай нам, пожалуйста.

— Я?.. С радостью…

Глава 4. Разлом

Над переборонённым взрывами полем клубился туман, на мокрую глину тихо ложился снег, где-то с вражеской стороны пробивалось солнце, на которое можно смотреть не щурясь. На заградительных кольях с колючей проволокой сидел ворон — угольный, неподвижный, будто вырезанный из жести. Задувавший ветер не был уже таким холодным. Ударяя по лицу, он странным образом вселял надежду.

После Февраля знакомый генерал (мой спаситель из душного госпиталя, откликнувшийся на мои прошения и направивший в экспедицию) пал жертвой интриг, лишился поста и был арестован. В связи с нехваткой кадров моя тыловая работа закончилась…

Задевая полевой сумкой за брёвна, я добрался до четвёртого взвода. У винтовок, составленных в пирамиду, стоял их командир — прапорщик Рябков — и огрубевшими руками забивал махорку в трубку. Рядом с ним — часовой — парнишка с гнилыми зубами и лёгким румянцем на щеках, похрипывая, насвистывал «Варшавянку».

— Спирт есть? — спросил Рябков парнишку.

— Откуда-сь, Ваше благородие? — ответил молодой, шмыгнув носом.

— Захарка, сейчас не принято так обращаться… — сказал Рябков, затем, завидев меня, показал трубкой на блиндаж, — здравия желаю, гражданин штабс-капитан, гляньте-ка!

Вдоль стены, шурша соломой, властно пробиралась крыса. Царапанье её когтей по брёвнам разрезало тишину утреннего часа. Она ползла по шинели спящего солдата, цепляясь голым хвостом за кусочки засохшей грязи. Перебирая лапками, крыса подобралась к поднятому вороту. Когда её усы коснулись шеи, солдат подскочил. В тот же миг раздался тонкий, будто скрип несмазанных петель, писк — крыса метнулась в тень. Солдат выскочил из блиндажа, яростно отряхивая шинель:

— Опять эти шушеры… Зараза!

— Что, Михайла? — Рябков ухмыльнулся, — закусали?!

Захарка захихикал.

— Надо мной смеётесь, что ль?! — посмотрел на нас Михайла, ещё не отошедший ото сна, — утро раненькое… Ваше Высокоблагородие.

— Слышь, — обратился к нему Рябков, — спиртиком угости. Ты мне должён!..

— Должён, должён… — проворчал тот и через минуту вернулся с флягой, продолжая ругаться вполголоса, — крысы, будь они прокляты! Такой сон прогнали!..

— Небось баба снилась?! Ядрёная, как репа…

Захарка снова засмеялся.

— Чего ржёшь?! Ох, и задам по роже!

Я посмотрел на мёртвое поле и подумал о бегающих там крысах. Там никто не подскочит, чтобы прогнать их. Никто…

— Ладно тебе, — прапорщик взял флягу, налил спирт в крышку, предложил мне. Когда я отказался, он протянул её молодому:

— Держи! Ничего, скоро война закончится, воротитесь в свои деревни. Девицы уж созрели, ждут не дождутся, — он забрал флягу и резво опрокинул, видимо, было там символически; собрал губами остатки спирта, грязной ладонью потёр клочковатую бороду, — вот выпью чарку, и как-то легче, — он затянулся трубкой и глянул в мою сторону, — а вам-то чего не спится, гражданин штабс-капитан?

Я подумал о капитане Брютове и раздавил сапогом кучку последнего снега, мгновенно ставшего водой:

— Не спится в туман… Плесни-ка кофе, — я протянул жестяную кружку Захарке.

— Плохо у нас с продовольствием… — ответил Рябков.

— Проблемы со снабжением?

— Да, новый фельдфебель никудышный. Не чета старому другу моему Архипке Спиридонову — царство ему небесное! Тот такого не допускал!

Пока я запивал новость горьким эрзац-кофе, что протянул мне Захарка, из блиндажа вышли ещё трое солдат. Они скорее походили на озябших воробьёв, чем на воинов с агитационных плакатов. Один — седой, хотя вовсе не старый, стал рассказывать. Приглушённо, будто на проповеди:

— Сегодня снились кресты. Куча крестов. Больше, чем свечей в церквах… Я бродил среди них. Некоторые — высокие, словно столбы телеграфные. Другие — совсем крохотные, едва выступали над землёй. Какие-то — налакированные, другие же, напротив, до крайней степени иссохшие. От них исходил серебристый отблеск. Будто старики поседевшие… Иисуса много там было. Наклонив головы, взирал он с крестов вглубь меня. Я же глядел на кресты и плавился, как свеча. Да, точно… в руке свеча была, — он сложил пальцы так, будто действительно держал свечу.

— Есть схожее место. Гора крестов. Недалеко от Шауляя, — с сильным акцентом сказал высокий солдат, — кресты ставили те, у кого нет возможности похоронить родных.

— Какое-то странное место, — ответил седой, — во сне-то — ладно, а наяву… сомнительно…

— Почему? — подойдя ближе, спросил я.

— Тогда повсюду должны быть подобные горы, — его скрюченный палец указал за бруствер, где на изрытой, будто язвами, равнине, среди железных осколков и разорванной колючей проволоки рос одинокий чудом уцелевший ясень, с которого плодами свисали фуражки и ремни.

Туман потихоньку рассеивался, давая дорогу солнечным лучам. Вспомнились Петроград и Введенская церковь, в которой меня почему-то крестили.

— Вы литовцы? — спросил я.

— Да, близёхонько отсюда, — ответил седой, — Tik vėjas staugia laukuos… Ir motinų ašaros karstos.

— Красивый язык.

— Забываю уже литовский. Думаю по-русски. Сны на русском. Вернусь, надо мной смеяться, наверное, будут!

Не выдержав сказанного, он вдруг запел. На его глазах проступили слёзы. Грубые и сухие. Покусанный временем, изрезанный шрамами солдат пел! Я вдруг почувствовал доселе неощущаемую безысходность, казалось, кто-то незримый повелевал сложить голову на этой равнине, и сделать с этим ничего нельзя.

Может, увести солдат отсюда прямиком во Введенскую церковь? Мы бы поставили свечи за упокой и смотрели на нескончаемый поток воска и материнских слёз, а чистых платков нет. И руки бессильны — они навсегда пропитаны оружейным маслом, которым на Пасху окропили винтовки. Не лучше ли спасти солдат, чтоб не боялись, не тряслись, словно умирающий от тифа? Чтоб не рухнули они с блаженной улыбкой и стеклянными глазами, устремлёнными на луч, что лампадным свечением освещал литовца, увидевшего странный сон. От которого моя решимость застыла на краю могил под этими крестами. Пустыми могилами. Там нет воздуха. Там нет слёз. Там нет ничего, кроме чёрной зияющей пустоты.

— Что это? — спросил я, когда литовец закончил.

— Католическая песнь… Конечно, война есть война, но иногда солнце проглядывает… Общался давеча с сестрой милосердия. Сама-то она из дворян. Насмотрелась здесь… Не верила уже ни во что. Была на грани истерики. Но мне удалось верные слова найти. Успокоил, вырвав часть уверенности из своего сердца.

— Невозможно, поддерживая других, всегда сохранять выдержку, — ответил я.

— Так и есть. Она подарила мне косынку, которая ещё долго хранила её тепло и запах мыла…

Литовец расстегнул рубаху, — у сердца была приколота белая ткань, свёрнутая в квадратик.

— Ежели Бог даст, окажусь в Шауляе, — продолжал он, — буду стоять у крестов, пока за каждую секунду, проведённую здесь, не отмолюсь.

Я не ответил. Литовец молча присоединился к остальным — те давно отошли в сторону. Готовилось построение. Две дюжины человек пытались согреться: кто растирал озябшие руки, кто поправлял скатку, кто переминался с ноги на ногу. А я мысленно повторял сказанное мне капитаном Брютовым: «Довожу до вашего сведения приказ штаба от сего числа: назначается наступление с задачей прорыва оборонительной линии противника. Надлежит привести в полную боевую готовность и доложить к назначенному часу…»

Я медленно обвёл взглядом строй — и зачитал приказ.

— Наступление? — переспросил прапорщик Рябков. Лицо его побледнело.

— На неделе два взвода положили! Раненых никто не забирает! Какой смысл в этих наступлениях, будь они прокляты?! — вдруг сорвался Михайла, голос его дрожал. — Тьфу! Почитайте, что умные люди в «Солдатской правде» пишут… Там ведь: свобода! Мир на пороге! А мы тут кровь льём…

— Это не «Дело народа»… — глухо бросил кто-то, — воюй, пока не сдохнешь!

— Мамка пишет — в деревне бунтуют! Землю делят… — подхватил Захарка.

— Да-да! Литовец, ну скажи ты им! — раздались голоса из строя.

— Артиллерию ещё до Пасхи перебросили… — тихо, словно самому себе, произнёс Рябков.

Я должен был что-то ответить, но резкий порыв ветра коснулся кроны старого ясеня. Почудилось, что дерево застонало, ветви затрещали, будто живые и слышится боль растения, насквозь простреленного достижениями цивилизации. В очертаниях ясеня показалась белая фигура старца — выгоревшее морщинистое лицо мерцало за ветками длинных волос.

Солдаты не унимались. Михайла кричал, тыча пальцем в сторону выгребной ямы:

— Вот мне где все эти ваши генералы! Нет, братцы, довольно! — он швырнул винтовку на дно окопа, высоко поднял руки и осторожно забрался на бруствер, — пойдёмте, вместе не страшно, побратаемся с товарищами!

— Стой!! — прапорщик вскинул винтовку.

— Отставить! — крикнул я Рябкову.

Тот замер и медленно, будто против воли, опустил винтовку. Несколько солдат стадом потянулись по грязному снегу вслед за своим первым — неожиданно ставшим вожаком. Ботинки хлюпали, подмётки брюзжали — каждый шаг отдавался в тишине. В обронённый кем-то сухарный мешок затягивалась грязь, словно вода в тонущий корабль. Немцы не стреляли.

— Сволочи… — прошипел Рябков, — да как же теперь, Ваше…

— Ладно, — сказал я тихо, — будь как есть. Пойду доложу капитану.

В блиндаже у Брютова было накурено, пахло керосином и сыростью. На столе — под жестяной кружкой лежала карта.

— Ваше Высокоблагородие, — начал я.

Капитан резко поднял голову. Глаза красные, лицо багровое, со складками, будто маска Панталоне.

— Штабс-капитан, будет подкрепление, будет!..

— Бойцы четвёртого взвода… покинули первую линию окопов.

— То есть как это покинули? — он поднялся.

— Брататься с немцами.

— Почему же вы их не остановили?!

— Солдаты отказались идти в наступление. Ежели моё мнение, то я солидарен с ними, — ответил я.

— Что?! Под трибунал пойдёте! И я вместе с вами, анархистами.

Он опустился на скамью, крепко затянулся в последний раз, бросил окурок в кружку.

— Значится так, штабс-капитан. Я понимаю. Отвыкли за два года от крови и, по всей видимости, от дисциплины…

Мои ноги подкашивались, к горлу подступила тошнота. Брютов продолжал:

— Если вы настолько добры в своих намерениях, то я вас, конечно, понимаю… Но немцы — вот они! — он резко ткнул пальцем в сторону окна амбразуры.

— Я…

— Штабс-капитан, эта авантюра на вашей совести! Делайте что хотите, стреляйте, молитесь, костьми ложитесь, мне всё равно, но чтоб четвёртый взвод был в окопах!.. И зачинщиков предъявите мне!!

Я вынул револьвер из кобуры и молча положил на стол капитана. Напряжение висело в воздухе, как натянутая струна. Я шагнул к выходу.

Вокруг было почти тихо, только где-то вдали раздавался редкий орудийный гул. В расположении четвёртого взвода слышалось слабое перешёптывание. Прапорщик молчал.

— …Я пойду, — сказал кому-то литовец, — я всё же священник.

— Кто-кто?! Стоять, сказал! — сорвался Рябков и снова замолчал.

Когда я подошёл ближе, литовец взглянул на мою пустую кобуру и, кажется, всё понял. Он протянул мне руку — на ладони лежала белая косынка, чистая, аккуратно сложенная.

— Зачем? — спросил я.

— Она бела, как ваши помыслы. Возьмите.

Я сжал ткань в кулаке. Прошёл к брустверу. На версту — ничего, окромя ясеня, казалось, навсегда отвернувшегося от меня. Я перелез через насыпь и направился в сторону немцев. Вблизи дерево показалось совсем старым, истерзанным. Кора — шершавая и мокрая. На сухой ветке качалась солдатская фуражка. От прикосновения ветка обломилась, фуражка шлёпнулась в грязь. Я засунул ветку за голенище, просто так, на удачу, и мысленно прокручивая предстоящую речь, добрался до вражеских позиций. Оттуда доносились реплики, слышались скрипы дощатого настила.

— А у тебя махорка есть? — послышался голос Михайлы. — Наша-то выдохлась…

— Табак… хороший. Мен… менять? — немец достал кисет.

— Глянь, у него фотокарточка…

— Жена? Дети?

— Йа, киндер!

— Как на сестрёнку мою похожа! В деревне… Рыба, знаешь, у нас какая? Караси, щуки! Ты таких и не видал поди!

— Форель. Но мало теперь… война. Мир… надо. Хватит…

— Что, тоже домой хочешь? Так это ж мы, токмо в других шинелях! — радовался Михайла.

Лейтенант лет восемнадцати, в гигантском шлеме-котелке, осторожно направился ко мне. В его руке блеснул пистолет.

Я расправил белую косынку и поднял над головой. Лейтенант остановился на расстоянии нескольких шагов. Поначалу он был сильно встревожен. Однако, поняв, что я один, заулыбался, убрал пистолет и расправил плечи.

— Зачем приходить… ты?

— За куревом, — улыбнулся я, изображая жест курения.

Лейтенант засмеялся, как ребёнок. Сидеть бы ему ещё на ветке дерева около родительского дома, смеяться вместе с девчатами. Лейтенант извлёк из кармана портсигар с золотой гравировкой, вставил в рот папиросу, другую протянул мне.

— Komm her!

Я забросил косынку на плечо и подошёл к лейтенанту. Закурили.

— Schwester? — спросил лейтенант, потрогав косынку.

— Сестринская, — сказал я и протянул лейтенанту.

Тот задумчиво посмотрел, наверное, вспоминая что-то далёкое.

— Danke!

Он спрятал косынку, порылся в подсумке и достал потёртую бляху с надписью «Gott mit uns». Я поблагодарил его.

Со стороны могло показаться, что мы на учениях. Никто и не сказал бы, что на прошлой неделе я докладывал о пяти «безвозвратных» из первого взвода. Наверное, кого-то похоронили и они…

— Русские солдаты не хотят больше воевать. Может, без стрельбы обойдёмся? Тебя же, наверное, невеста ждёт, красивая… — сказал я.

— Один день — да. Но если стрельба — мы отвечать.

— Да какая теперь стрельба! Пора домой.

— А! Слышать… Революция!

Я кивнул. Один немецкий солдат подошёл к лейтенанту. Что-то сказал ему. Лейтенант обернулся ко мне:

— Пойдём. Для тебя есть интересно.

Мы спустились в окоп. Здесь было немного почище, чем у нас. Боеприпасы, провиант и медпринадлежности — всё по местам. Немцы с любопытством рассматривали меня.

В блиндаже огромная карта скатертью покрывала стол, писчие принадлежности были рядком сложены на краю. Тут же лежала фотокарточка красивой женщины в рамке, обрамлённой гильзами.

— Невеста? — спросил я лейтенанта.

Тот засмеялся:

— Nein! Mutter…

— Красивая, — сказал я почти про себя.

В закутках блиндажа, словно затерянный в лабиринте, сидел человек. И поразило вдруг сходство со мной: рост, фактура, даже борода — точь-в-точь. Будто в мутном зеркале увидел себя. В его глазах не было той холодной самоуверенности, что я видел у немцев. Солдат? Скорее, беглец… Лейтенант что-то резко бросил ему по-немецки. Он поднялся и на чистом русском сказал:

— Здравствуйте, господин штабс-капитан.

— Здравия желаю! — ответил я, а сам всматривался в будто знакомые, но странно искажённые черты.

Лейтенант ещё сказал что-то по-немецки. Человек перевёл:

— Назовите цель вашего прибытия.

— Мы предлагаем прекратить кровопролитие на этом участке фронта, — отчего-то сказал я.

Человек перевёл лейтенанту, тот засмеялся. Здорово у него получалось смеяться. Наверное, он и офицером стал, потому что умел так искренне радоваться.

Лейтенант что-то ответил. Переводчику потребовалось время обдумать услышанное:

— Командир данного подразделения не имеет права принимать подобных решений. Но он, со своей стороны, благодарит вас за столь смелый поступок.

— Du bist ein Ritter! — добавил лейтенант.

Переводчик посмотрел на лейтенанта, тот кивнул. Тогда переводчик подошёл ко мне и протянул небольшой сложенный вдвое конверт.

— У меня к вам просьба… Если окажетесь в Петрограде, найдите, пожалуйста, этот адрес. Моя жена…

— Как бы вы не оказались там раньше меня! — я посмотрел на лейтенанта и взял конверт.

Мы поговорили с ним ещё. Он вспоминал о трамвайных звонках на Литейном, жареных пирожках у Гостиного, мокрой мостовой после дождя, парадных фасадах и тёмных дворах-колодцах. Затем — о черепичных крышах Дрездена, герани, растущей в аккуратных горшках, золотых памятниках королю Августу и ещё о чём-то менее существенном для меня…

После лейтенант препроводил меня из блиндажа. Я махнул солдатам следовать за мной. Михайла, вдруг почувствовавший себя командиром, повторил мой приказ.

Снег с грязью разъезжался под ногами, словно сметана. Мы возвращались, и я невольно посматривал на ясень. Его ветви чернели на фоне неба, будто трещины на стекле. С той стороны дерева оказались такие же люди. Они говорили, смеялись, показывали фотографии… Но теперь нас снова разделяла мёртвая полоса. Они, как и прежде, — враги.

На бруствере наших окопов иглами торчали винтовки — десятки стволов, нацеленных в нашу сторону. Лица солдат на позициях отражали безнадёжность и пустоту. Я не мог понять: сочувствие это или зависть? Или безразличие? Кто-то кашлял в кулак, кто-то сдвигал фуражку на затылок. За спинами солдат показался Брютов. Моя ветка вдруг зажглась в сапоге и больно колола. Я выкинул её.

— Ваше Высокоблагородие, мы условились на дневное перемирие! — крикнул Захарка, ещё не остывший от неожиданной беседы с неприятелем.

— Ах, морда! Потакаешь врагу?! Да ещё в такое время! — резанул мозг голос Брютова. Капитан окончательно пришёл в себя. В его глазах появилась железная решимость, которую он, казалось, утратил в последние дни, — Рябков, арестуйте зачинщиков!

— Михайла! Захар! Марш сюда! — рявкнул Рябков, шагнув навстречу.

— И главного не забудьте! — капитан показал на меня, — Сумароков, вы временно освобождаетесь от должности заместителя командира роты и проследуете в комендатуру. Ответственный… прапорщик Рябков!

— Слушаюсь, гражданин капитан… — начал было Рябков.

Брютов пристально посмотрел на него.

— …Ваше Высокоблагородие! — изменившимся тоном отозвался прапорщик. — Так, литовец, шагай сзади. И смотри, без фокусов. Или как там попы говорят: «Не впади во искушение!»

Капитан перевёл взгляд на меня.

— Командование отсрочило атаку на сутки… для налаживания взаимодействия! — он похлопал меня по плечу, — десять вёрст! Проветритесь, Сумароков! На пользу будет!..

Очевидно, он без особого желания пошёл на конфликт, да ещё в присутствии нижних чинов. Я понимал, он нашёл выход, одним выстрелом убить всех зайцев, мешавших установлению дисциплины в роте. Настоящий русский офицер.

— Ваш сын будет вами гордиться, господин капитан…

Брютов промолчал, только пальцы сильнее сжали рукоять моего револьвера, заткнутого за его портупею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.